Рязанов Эльдар 18.11.97

Готов к труду и обороне

Эльдару Рязанову исполнилось 70 лет

Коммерсантъ-daily. – 1997. – 18 нояб. – с.13

Сегодня исполняется 70 лет Эльдару Рязанову. На этом, дописав поздравительную тираду, можно бы поставить точку. После которой каждый, без преувеличения, читатель будет в состоянии мысленно добавить свой ряд ассоциаций и умозаключений. Об искусстве и жизни, о ее быстротечности и удивительных метаморфозах.

Не странно ли, к примеру, что добрая половина не самых старших по возрасту участников фильма «Берегись автомобиля», главной «интеллектуальной комедии» 60-х годов, уже пребывает в мире ином? А протагонисты «Иронии судьбы», главной отечественной love story 70-х, сегодня кажутся родившимися и состарившимися еще до нашей эры? Летописцы и аналитики внимательно следят за новогодними телепрограммами и уверяют, что отсутствие в них словосочетания «С легким паром!» возвестит точнее других свидетельств о конце великой и прекрасной советской эпохи. И возможно, этот конец не за горами.

Можно назвать множество других примет привязанности Рязанова к карнавальной ночи хрущевской оттепели и гаражу брежневского застоя, к физикам и лирикам, юмористам и сатирикам — ко всему тому, что быльем поросло, ностальгическим флером подернулось, но в «старые песни о главном» почему-то не превратилось.

Понятно — почему. Рязанов — не Пырьев, его жанровый предшественник и учитель, над трактористами и казаками которого можно вволю потешаться сегодня. Если «Иронию судьбы-2» и сделают, то возьмут не «дух», а «историю» — пускай даже перенесут ее на другой край света в черемушки Бостона и Чикаго. Ибо «истории» хороши для любого случая, а «дух» выветривается. И сколько ни старайся, ни этот дух, ни печальную иронию тихих диссидентов, противопоставивших режиму свои интимные чувства, не вернешь. Неблагодарные потомки итээров, «переживших в бездуховном климате межвременья благодаря фильмам Рязанова» (цитирую одну из раннеперестроечных статей), сегодня выбирают аттракционно-масочного и фольклорно-культового Гайдая.

Но вот современная буржуазная газета рекомендует читателям «из всего Рязанова» не что-нибудь, а «Жестокий романс», который в свое время не нравился интеллектуалам, зато содержал «почти пророческое предчувствие новорусской эпохи». Бывает, что художник тесно (слишком тесно?) связан со своим временем и в другое не помещается. Но это — не о Рязанове, изменившем в последние годы и собственной комплекции, и устоявшемуся имиджу острослова-оппозиционера. Ему — знак истинной народной любви — простили даже альянс с властями. И вот парадоксальный результат перемен: другие звезды его галактики давно закатились, Рязанов же с завидной невозмутимостью раскрывает своей публике все новые и новые парижские тайны.

Для тех кто равнодушен к Брижитт Бардо и Роману Полянскому, всегда остается равный себе, верный себе кинорежиссер Эльдар Рязанов. Его последние фильмы, если и отличаются от давних, то именно тем, что замкнуты в некой саморегулирующейся вневременной «экосистеме». Само их появление в кинематографе, где, в отличие от театра, почти полностью прервалась связь времен, призвано подтвердить раритетный статус Рязанова как «живого символа» — отнюдь не узкокинематографического, хоть сейчас на телеканал «Культура».

У меня тоже есть свой личный ряд «рязановских» ассоциаций. Относятся они больше не к символу, а к человеку, которого знаешь в разных обстоятельствах. И когда телевизионное начальство строило козни против «Бедного гусара», и замолвленное критиком слово было как нельзя кстати.

ДМИТРИЙ ДУХАНИН

Рязанов-автомобилист так же естественен в новые времена, как Рязанов-трудоголик и Рязанов-боец из нашего общего прошлого

И когда, уже в перестройку, в ответ на мою статью об одной из его картин в редакцию поступило гневное письмо режиссера. Всякое было. И всегда Рязанов был собой — трудоголиком и бойцом, готовым к труду и обороне.

А недавно мы встретились в Германии, где памятливые немцы устроили сюрприз-шоу в связи с 40-летием берлинской премьеры «Карнавальной ночи». Премьера состоялась еще до постройки Стены, и вторжение русских комедиографов и джазменов в ГДР восприняли как «ветер свободы». Эльдар Александрович, неожиданно попав на юбилейную церемонию, помолодел, словно перемещение из Москвы в Потсдам было перемещением во времени. А когда в зале погас свет и Гурченко с помощью добросовестных мастеров студии ДЕФА бойко заговорила по-немецки, возник эффект почти волшебный: заигранная песенка про пять минут прозвучала как сиюминутная импровизация.

АНДРЕЙ ПЛАХОВ

Марина Неелова: *«Он фантастически, замечательно хитер. Он создает на съемках такую свободную для актера обстановку, что тебе кажется, что ты играешь сам, придумываешь сам. А работа — не работа, а какая-то нами же придуманная игра. И эта атмосфера была для меня куда важнее и даже ценнее результата. Я всегда вспоминаю „Елену Сергеевну“ как какой-то чудесный уик-энд».*

Лия Ахеджакова: *«Есть люди, рядом с которыми голос твой хрипнет, ты скукоживаешься. Рядом с Рязановым расправляешься, в тебе юмор и дарование, даже голос твой становится звонче. Просто рядом с ним ты узнаешь нечто о себе».*

Юрий Яковлев: *«В фильмах Рязанова я не всегда на экране. Иногда я — голос за кадром (в „Берегись автомобиля“, в „Стариках-разбойниках“). Так что, не сочтите за нескромность, я немного его alter ego. И горжусь этим. Хочу ему пожелать избегать „чернухи“, не забывать нашу молодость, ту радостную и романтическую атмосферу, которую он создавал на съемках и которая нас объединяла. Те его светлые, нежные комедии. Я, как часть его, хочу все это пожелать».*